

ДЕКАБРЬСКИЙ СБОР ДРУЗЕЙ

Константин Лаппо-Данилевский
(Санкт-Петербург)

О ПЕРЕВОДАХ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА Предварительные наблюдения

Несомненно, что в историю нашей культуры Вячеслав Иванов вошел, помимо всего прочего, как блестящий мастер поэтического перевода. Даже те, кому чужд возвышенно-архаический пафос его музыки и ницшеанские истоки литературно-философских статей, а также их позднейший прокатолический настрой, те, кто не может преодолеть глубокого внутреннего неприятия его масштабного религиозно-художественного проекта, даже они уважительно склоняют головы перед мастерством Иванова-переводчика и относят свершенное поэтом в этой области к достижениям неоспоримым. Все же если отстраниться от восторженного и большей частью априорного пиетета, легко заметить, сколь далеки мы еще от осмысления роли высокого поэтического посредничества между различными культурами, которое несомненно удалось Вячеславу Иванову.

Чтобы сделать наглядным это соображение, коснусь трех наиболее авторитетных изданий литературного наследия Вячеслава Иванова, которыми располагает современный читатель. В четырех томах его брюссельского собрания сочинений (1971–1987), вызванного к жизни его ближайшим родственным кругом, собрания, которое, увы, уже не будет никогда завершено, переводы структурно не представлены и явно отеснены на периферию. Мы не найдем здесь ни знаменитого перевода из Пиндара – одной из немногих первых публикаций поэта в самом конце XIX века, ни его блестящей книги «Алкей и Сапфо» (1914), стремительно переизданной в 1915 году в связи с находками ранее неизвестных текстов двух лириков, ни напечатанных при жизни обширных подборок из Петrarки, Бялика, Туманяна. Нет в вышедших томах и трагедий Эсхила – одного из центральных переводческих замыслов поэта. Но отдадим и должное брюссельскому собранию – одну из граней поэтического дарования Вячеслава Иванова оно приоткрыло. Именно здесь, в томе четвертом, увидела свет в полном виде «Лира Новалиса» – в общей сложности 49 стихотворных текстов, из которых лишь шесть были известны по прижизненным публикациям (пять увидели свет в «Аполлоне» в 1910 году, а еще

один в мусagetовском томике Якова Бёме).

Несмотря на небольшой объем сборника Вячеслава Иванова в Малой серии «Библиотеки поэта» эта книга куда лучше высвечивает различные грани его переводческих интересов, но по понятной причине неспособна дать полное представление о круге охваченных литератур и авторов – древнегреческая (Бакхилид, Алкей, Сапфо), итальянская (Леопарди, Петрарка, Микеланджело), английская (Байрон), французская (Бодлер), немецкая (Новалис), армянская (Иоаннисян, Туманян, Исаакян), латышская (Аусеклис, Аспазия), финская (Маннинен), а также народные песни башкир и татар. При определенных достоинствах подобного подхода, все же отмечу, что вынесение всех переводов в отдельный раздел нарушает авторскую волю Вячеслава Иванова, который включил многие из них (из Леопарди, Микеланджело, Бодлера и др.) в свои поэтические книги. Впрочем, из-за малого объема тома, воздадим справедливость, иное решение было и невозможно.

«Трагедии» Эсхила в переводе Вячеслава Иванова, выпущенные в серии «Литературные памятники» в 1989 году, как это уже неоднократно отмечалось, в текстологическом отношении малоудовлетворительны. Достаточно сравнить рукописи поэта, доступные всеобщему обозрению на сайте Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме (www.v-ivanov.it) с текстами, воспроизведенными в книге, и в глаза бросаются многочисленные погрешности, неточные прочтения и проч. Кажется, неверным было и общее текстологическое решение – в качестве основного источника текста следовало избрать рукописи, хранящиеся в Российской национальной библиотеке в Петербурге, а не в Риме.

Двухтомное издание стихов Вячеслава Иванова в Большой серии «Библиотеки поэта» 1995 года отмечено половинчатостью решений. С одной стороны, сделана попытка воссоздать структуру поэтических книг, с другой – почти все они воспроизведены в двухтомнике не полностью. Часть переводов, вошедших в оригинальные поэтические кни-

ги Вячеслава Иванова, оказалась напечатана, часть нет. То же, что появилось отдельными подборками при жизни поэта, для публикаторов будто бы не существовало.

Отмечу, что научные публикации в области ивановедения, пережившего эпоху бурного развития в последние сорок лет, содержат большое количество художественных текстов, впервые извлеченных из его многочисленных архивных фондов. В том числе и стихотворные переводы – из столь разных авторов, как Алкман, Архилох, Ивик, Гораций, Данте, Микеланджело, Гете, Мицкевич и др.

Конечно, если попытаться издать переводы Вяч. Иванова, то от этих публикаций не отмахнуться, а они-то приносят с собой новые проблемы, ибо каждый раз придется решать, в какой степени этот текст подвергся окончательной шлифовке, достоин ли он по своим художественным качествам включения в основной корпус поэтических переложений поэта? Еще одна основополагающая проблема – как быть с книгами и подборками, переработку которых Вяч. Иванов начал и не завершил? Приведу лишь один пример: в послереволюционные годы поэт готовил третье издание «Алкея и Сапфо», но его не издал; следует ли взять на себя смелость завершить этот труд на основании имеющихся материалов?

Ну, и наконец, в завершение, самый глобальный вопрос: в каком виде нам ныне более интересен Вяч. Иванов-переводчик – как автор ограниченного, «классического» корпуса, из которого будет изгнано все, что будет заподозрено в некой степени незавершенности и неавторизованности, или же создатель текстов, часть из которых не подверглась последней отделке, но которые в полной мере отразили размах его поисков, а порой и творческих неудач?

Эти и другие сходные вопросы встанут перед всяким, кто пытается осмыслить вклад Вячеслава Иванова в сокровищницу русской переводной литературы.

Декабрь 2010